

«Непереводимо, но мы стараемся»: переводчики и переводоведы об актуальных проблемах теории и практики перевода*

Участники дискуссии: **Ольга Варшавер** (гильдия «Мастера литературного перевода», Москва, Россия); **Александро Ариэль Гонсалес** (Аргентинское общество Достоевского, Буэнос-Айрес, Аргентина); **Татьяна Кузнецова** (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия); **Елена Петрова** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Ольга Сидорова** (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия); **Карен Хьюитт** (Оксфордский университет, Оксфорд, Соединенное Королевство)

“It is untranslatable, but we try hard”: Translators and Translation Experts on the Current Problems of Translation Theory and Practice

Contributors: **Alejandro Ariel Gonzalez** (Dostoyevsky Society of Argentina, Buenos Aires, Argentina); **Karen Hewitt** (Oxford University, Oxford, United Kingdom); **Tatiana Kuznetsova** (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia); **Elena Petrova** (St Petersburg State University, St Petersburg, Russia); **Olga Sidorova** (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia); **Olga Varshaver** (Guild of Masters of Literary Translation, Moscow, Russia)

This paper summarises the materials of the discussion devoted to the role and specificity of artistic translation in the contemporary world, which was held in the summer of 2023. The participants of the discussion are specialists from Argentina, the UK, and Russia (Moscow, St Petersburg, and Yekaterinburg), all of whom are active translators, as well as researchers, lecturers, and translation editors. The participants received questions they were offered to answer, and their written responses make up the text of the article. The article is relevant, as today, the role of translation is increasing, and translation theory

* *Citation*: “It is untranslatable, but we try hard”: Translators and Translation Experts on the Current Problems of Translation Theory and Practice (2023) / A. A. Gonzalez, K. Hewitt, T. Kuznetsova, E. Petrova, O. Sidorova, O. Varshaver (part.). In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1373–1390. DOI 10.15826/qr.2023.4.853.

Цитирование: “It is untranslatable, but we try hard”: Translators and Translation Experts on the Current Problems of Translation Theory and Practice / A. A. Gonzalez, K. Hewitt, T. Kuznetsova, E. Petrova, O. Sidorova, O. Varshaver (part.) // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1373–1390. DOI 10.15826/qr.2023.4.853 / «Непереводимо, но мы стараемся»: переводчики и переводоведы об актуальных проблемах теории и практики перевода / участники: О. Варшавер, А. А. Гонсалес, Т. Кузнецова, Е. Петрова, О. Сидорова, К. Хьюитт // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1373–1390. DOI 10.15826/qr.2023.4.853.

is one of the dynamically developing areas of modern scholarly knowledge. The contributors examine such topical issues of translation theory as translatability/non-translatability, didactics of translation, and the reliability of the source base for translation. The discussion also considers the role of new translations of classical literary works whose earlier translations have already entered the receiving culture, and translations meant for different groups of readers. Additionally, the contributors of the article express their views on the identity of the translator, on what it means to be a “good translator”, the requirements and demands that are placed upon them.

Keywords: modern translation, translation theory, translatability/untranslatability, translations and translations of classics, translator

В настоящей публикации суммируются материалы дискуссии о роли и специфике художественного перевода в современном мире, которая была проведена летом 2023 г. Участниками дискуссии выступили специалисты из Аргентины, Соединенного Королевства и России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург) – все они являются действующими переводчиками, а также исследователями, преподавателями, редакторами переводов. Каждому из них были направлены вопросы, на которые они отвечали – именно их письменные ответы составили текст материала. Актуальность дискуссии обусловлена тем, что сегодня роль перевода возрастает, а теория перевода является одним из развивающихся направлений современного гуманитарного знания. В ходе обсуждения были затронуты такие актуальные проблемы теории перевода, как переводимость/непереводимость, дидактика перевода, надежность источниковой базы для перевода. Рассмотрен вопрос о роли новых переводов классических литературных произведений, ранние переводы которых уже вошли в принимающую культуру, и о переводах, сориентированных на разные группы читателей. Отдельного внимания заслуживают мнения участников дискуссии о личности переводчика, о том, что значит быть «хорошим переводчиком», и о требованиях, которые к нему предъявляются.

Ключевые слова: современный перевод, теория перевода, переводимость/непереводимость, переводы и перепереводы классики, переводчик

Постановка проблемы

В современном информационном пространстве, когда роль перевода в глобальном масштабе неуклонно возрастает, художественный перевод продолжает играть центральную роль при создании образов чужой культуры. Представления людей о какой-либо стране или культуре складываются не в последнюю очередь на основании переведенных текстов художественных произведений разных жанров. Именно в соответствии с этим Т. Херман вычленяет «уполномочивающую»

функцию перевода – переведенный текст предстает полномочным представителем одной культуры в инокультурном континууме. Перевод «должен предоставить читателю (в оригинале – пользователю, “the user”. – О. С.) достоверный образ текста в оригинале, поскольку он обладает постоянным сильным сходством с тем, что остается за пределами нашего доступа... Заявление типа “Я прочитал Достоевского”... когда мы его расшифруем, означает что-то вроде: на самом деле я прочитал перевод Достоевского, но, поскольку это был качественный перевод... это было подобно чтению оригинала» [Herman, p. 11]. Между тем очевидно, что, как писал Х. Ортега-и-Гассет еще в 1937 г., «перевод – не копия оригинального текста, он не является – не должен претендовать на то, чтобы являться – тем же произведением, но с другой лексикой... перевод – особый, стоящий особняком литературный жанр со своими собственными нормами и целями» [Ортега-и-Гассет, с. 38].

Мы обратились с рядом вопросов о переводе и его роли в современном мире к специалистам, которые профессионально им занимаются. Все они являются известными переводчиками, но также исследователями, университетскими преподавателями, редакторами, то есть могут оценить современное состояние перевода с разных точек зрения. Модераторами дискуссии выступили **Ольга Сидорова** (Екатеринбург, переводчик, профессор УрФУ) и **Татьяна Кузнецова** (Екатеринбург, переводчик, доцент УрФУ).

Дискуссия

О. С. Перевод с одного языка на другой является одним из древнейших видов человеческой деятельности. Как, по Вашему мнению, изменился подход к переводу за последнее время, и как изменился сам перевод?

Е. П. Если имеется в виду *теоретический* подход к переводу, то, с одной стороны, это преобладание культурологической и когнитивной парадигм (как в лингвистике в целом) и отход от сугубо лингвистического и литературоведческого направлений, а с другой – авторитарно-командный тон многих исследователей, зачастую беспелляционно утверждающих, что «должен» и чего «не должен» делать переводчик. Если не ошибаюсь, в переводоведение сейчас нередко приходят специалисты, не опубликовавшие ни строчки собственных переводов художественной или публицистической литературы, то есть не пропустившие через свое сознание рассматриваемые явления, не соприкоснувшиеся с ними на практике. Как не вспомнить по контрасту основоположника отечественного переводоведения А. В. Федорова, из-под пера которого наряду с теоретическими трудами [Федоров, 1970; Федоров, 1953] вышли переводы произведений Перро [Перро], Мопассана [Мопассан], Мольера [Мольер], Гофмана [Гофман] и других классиков.

Показательно, что в оценке перевода как *вида практической деятельности* отмечается проявление многообразия. Широкое распространение получают множественные переводы одного и того же литературного произведения, призванные, очевидно, устранить какие-либо недочеты (например, смысловые искажения и утраты квантов смысла), допущенные в каноническом переводе или в иных, более поздних переводах, или же просто сделать маркетинговый ход – привлечь внимание к новизне известного, казалось бы, текста. Но не только: появляются и переводы, которые в широком смысле можно назвать неканоническими, – так называемые людические (от *лат. ludo* – играю), ориентированные на языковую игру с заинтересованным читателем (например, выполненные В. Рудневым переводы произведений А. Милна о Винни-Пухе [Милн]), или архаизированные, приближающие читателя – опять же заинтересованного – к неспешной эпохе, изображенной в художественном произведении («Гордость и предубеждение» Дж. Остин в переводе А. Грызуновой [Остин]). Такие публикации, как правило, появляются на фоне переводов, которые можно назвать *прецедентными*: от читателя они требуют хотя бы общего представления об оригинале либо знакомства с предшествующим каноническим переводом.

Появляются переводы, которые правомерно рассматривать в русле *интердискурсивности* (данному явлению посвящена, в частности, монография В. Е. Чернявской «Текст в медиальном пространстве» [Чернявская]). Это переводы таких оригинальных произведений (обычно романов), которые соотнесены с текстами, широко известными в принимающей лингвокультуре по литературным переводам или экранизациям. Примерами интердискурсивных переводов могут служить изданные на русском языке роман Дж. Д. Калифорнии «Вечером во ржи: 60 лет спустя» – официальное, то есть одобренное правообладателями продолжение романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» [Калифорния], а также «Скарлетт» (аналогичное продолжение романа М. Митчелл «Унесенные ветром») [Рипли]. В переводе, вторичном по своей сути феномене, интердискурсивность переходит, если можно так выразиться, на иной уровень вторичности. В отличие от традиционных повторных переводов, интердискурсивный перевод требует не размежевания с прецедентным текстом, а, напротив, максимального сближения, которое обеспечивается, в частности, прямыми заимствованиями языковых единиц разных уровней. Это языковое сближение скрепляет сюжетные линии, тогда как элементы расхождения способны, например, обеспечить смещение гендерной «призмы», или «оптики» изложения. Многообразие переводов можно только приветствовать, но это явление, как мне кажется, требует и развития квалифицированной, непредвзятой критики перевода, апеллирующей не только к специалистам, но и к широкой читательской публике.

В практику перевода стали активно проникать кальки, буквализмы, каких мы не найдем в работах переводчиков классической отечественной школы, вроде «Я нашел ее сидящей в кресле», «Она звучала грустно», «Он стоял там, чемодан – в руке». Мне такие конструкции не близки, но они маркируют (пока еще!) текст как переводной, а некоторые теоретики перевода – например, Иржи Левый – отмечают, что сама «переводность» может стать притягательной чертой произведения иностранной литературы [Левый].

А. А. Г. Для ответа на поставленный вопрос разрешите мне обратиться к аргентинской реальности. Думаю, что переводчики у нас за последние 20 лет стали более скрупулезно подходить к своей работе. Текстологический момент очень важен. Под ним я подразумеваю установление верного и надежного источника. Как мы все знаем, и в царской России, и в советской России были проблемы с цензурой. Надежным источником для переводчика не всегда будет первое издание, которое он найдет – надо изучать, какие издания данного текста уже были до того, внесли ли издатели поправки, есть ли там купюры и т. д. Это, условно говоря, можно назвать «новым словом» в переводе русских текстов на испанский язык. Благодаря такому подходу читатели испаноязычного мира имеют доступ к полным версиям русских текстов. Например, в Аргентине в моем переводе появилась первая полная версия «Мышления и речи» Льва Выготского [Vigotski, 2007]; я не только нашел первое издание (в то время оно не было еще опубликовано в Интернете – появилось позже), но и сравнил все существующие советские издания и смог таким образом установить все редакторские купюры, которые указываю в сносках в моем переводе («этот абзац или это имя были пропущены в издании такого-то года»). Перед читателем разворачивается целая картина истории издания и рецепции текста. Другой пример: в этом году я перевел первое полное издание «Воспоминаний» А. Г. Достоевской [Dostoiévskaja]. Оказывается, они появились в России без купюр только в 2015 г. Еще один недавний пример: в прошлом году в Буэнос-Айресе был издан первый полный вариант труда Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» [Vigotski, 2022], который до сих пор не опубликован без купюр в России; этому способствовало то обстоятельство, что я работал с русской специалисткой, которая получила доступ к рукописи Выготского. Последний пример: в течение двух лет я собирал и переводил в Российской национальной библиотеке все работы Льва Троцкого о литературе и искусстве. В 2015 г. появилось первое полное издание в испаноязычном мире «Литературы и революции» и первое полное издание в мире всех его статей о литературе и культуре разных лет [Trotski].

О. С. Теория перевода (переводоведение, Translation Studies) возникла во второй половине XX в. – сначала как прескриптивная дисциплина, аккумулирующая опыт переводчиков и разрабатывающая

рекомендации, но быстро преодолевшая этот барьер. Сегодня переводоведение – стремительно развивающееся комплексное направление гуманитарных исследований. Какие проблемы современной теории перевода кажутся Вам актуальными?

Е. П. Для меня как для переводчика и преподавателя актуальной представляется та область переводоведения, которая лежит на стыке теории и практики, – дидактика перевода. Иногда приходится слышать, что художественному переводу научить нельзя. Опыт показывает, что вполне можно. Убедительным доказательством этому служат имена твоих учеников в выходных данных переведенных ими книг. Семинарские занятия позволяют начинающему переводчику, образно говоря, набить руку и не набить шишек. Процесс обучения демонстрирует, как соблюдаются, а также как и почему нарушаются определенные нормы перевода, по какой шкале может оцениваться перевод, как происходит взаимодействие с художественным редактором, как сочетается на практике лояльность по отношению к автору с лояльностью по отношению к реципиенту (то есть не только читателю, как принято считать, но и слушателю, ведь аудиокниги получают все более широкое распространение) и, конечно, лояльность по отношению к заказчику, о котором нередко забывают и теоретики, и методисты, хотя не кто иной, как заказчик инициирует процесс профессионального перевода, определяет его общую стратегию и состав его участников. Да и вообще профессиональным переводом считается прежде всего работа по заказу, а не «в стол».

В процессе обучения переводу преподаватель берет на себя дополнительные роли заказчика, редактора, критика. Научить переводить гениально, думаю, вряд ли получится, но в задачи дидактики это и не входит. У разносторонне подготовленного переводчика вырабатываются профессиональная чуткость и адаптивность. Дидактика перевода призвана высветить и развить те задатки, которые есть у обучающихся, сформировать у них устойчивые профессиональные навыки и наметить пути к самосовершенствованию, поскольку переводчик учится всю жизнь – на каждом переведенном рассказе, романе, стихотворении, на работах своих коллег и, конечно, тех мастеров, которыми всегда славилась отечественная школа литературного перевода.

О. В. Я – переводчик-практик, перевожу прозу и драматургию. К сожалению, я не слежу за теорией перевода и допускаю, что появляются какое-то новые подходы, и перевод XXI в. коренным образом отличается от века XX. С тревогой замечаю, что читатели, кое-как владеющие иностранными языками, все чаще и все настойчивее требуют от переводчика в первую очередь точности. Из серии: «Этого слова тут не стояло, уберите! А вот тут верните порядок слов оригинала, так автор написал!» Что ж, для таких читателей есть хорошая новость: электронный перевод в наиболее популярных языковых парах (в частности, английский – русский) совершенствуется семимильными шагами.

А с искусственным интеллектом можно даже договориться о редактировании и стилизации. И эти прекрасные инструменты действительно помогают переводчикам и сильно экономят время. Более того, в отличие от описанных выше читателей, наши электронные помощники даже научились отличать языковое от авторского и прекрасно знают, что логическое ударение в русском языке падает на конец предложения. Однако если мы говорим о литературном переводе, который я считаю все-таки искусством, а не ремеслом, это по-прежнему штучная, немассовая профессия, это особенный труд, которым можно заниматься только по большой любви и некоторой склонности к подвижничеству, поскольку получаем мы за этот труд сущие гроши. Вот такой пейзаж-натюрморт... Уж простите за откровенность.

О. С. Проблема принципиальной переводимости/непереводимости обсуждается на протяжении нескольких веков. На Ваш взгляд, существует ли что-нибудь, что не может быть переведено?

О. В. С философской точки зрения вообще все непереводимо. Но мы стараемся.

Т. К. Представляется верным утверждение, что все, что может быть выражено средствами одного языка, так или иначе может быть передано средствами другого, а то, что нельзя выразить средствами какого-либо другого языка, нельзя и перевести [Katz J.]. Результирующий текст может привести к сдвигу границ эквивалентности, но это не делает перевод невозможным, однако сила его воздействия на читателя по сравнению с оригиналом и то, насколько он способен остаться в рамках того объема, который предлагает текст оригинала, не выводя по возможности «непереводимое» за пределы текста в виде многочисленных комментариев, количество лексических заимствований из оригинального текста в переводе, призванных помочь сбросить национально-специфичное, несомненно, будут различаться.

Е. П. При широком понимании термина «перевод» средствами русского языка может быть передано все – правда, с определенными оговорками. В традиционной лингвистической теории перевода признаются такие переводческие приемы, как компенсация, контекстуальная замена, описательный перевод, добавление – они как раз и направлены на передачу «непереводимого», будь то комические, культурно-специфичные, игровые или какие-либо иные компоненты исходного текста. В последнее время отмечается и трансплантация, то есть прямая «пересадка» (обычно с транслитерацией) элементов оригинала в перевод. Это тоже способ, хотя и периферийный, передачи «непереводимого». Теоретиков перевода давно занимает вопрос о переводимости и ее пределах. Диапазон мнений широк: от полного отрицания переводимости в принципе до безоговорочного ее признания.

К. Х. Of course there is something missing in any translation. Languages are different from one another. Take any significant word in any language and consider its implications, its context, the words with which it is typically associated. There is no exact synonym in another language; the translator is always making compromises from phrase to phrase, and the limitations of these compromises spread outwards.

О. С. На протяжении времени менялись требования к переводу и к переводчикам, иногда диаметрально. Каков он, современный «хороший» переводчик?

Е. П. Мне приятно видеть здесь кавычки. Вопрос неоднозначен. Во-первых, желательно уточнить, как соотносятся выражения «хороший перевод» и «хороший переводчик». Всегда ли одно предполагает другое? Во-вторых, еще важнее определить: кто для нас в данном случае субъект оценки?

Если таковым признать читателя, даже подготовленного, заинтересованного, то придется констатировать, что большинство читателей не сопоставляет перевод с оригиналом и ценит «гладкость» переводного художественного текста, легкость его восприятия. Такие формулировки, как «Легко читается» или «Я как-то не обратил(а) внимания, какой там перевод», почти всегда служат косвенной положительной оценкой перевода (или переводчика?). Длинные периоды, тяжеловесный синтаксис, усложненная лексика и многое другое некоторым читателям не по душе. Более того, бытует расхожее представление, что все хорошее в переводе – от автора, а все плохое – от переводчика.

Если же субъектом оценки выступает специалист – критик, лингвист, переводовед, то он обычно оценивает такое профессиональное качество переводчика, как бережное обращение с оригиналом, которое, собственно, и позволяет переводу замещать оригинал в принимающей культуре. И если у автора используются длинные периоды и усложненная лексика, значит, таковы черты авторского стиля в целом или конкретного замысла; квалифицированный переводчик донесет их до читателя. Если оригинал изобилует шутками, игрой слов, стихотворными вкраплениями, специалисты оценят успешное отражение или игнорирование этих особенностей в переводе. Правда, приходится признать, что от вкусовых оценок бывают несвободны и профессиональные отзывы. Так, сленг и сниженная лексика зачастую априорно расцениваются как недостаток перевода. Приходится признать и то, что хорошим порой объявляется перевод, отвечающий в первую очередь личным представлениям оценивающего субъекта. Здесь поднимается серьезный и еще не до конца решенный вопрос о критериях оценки прозаического перевода.

Порой даже в специальной литературе приходится читать, что хороший переводчик должен в совершенстве владеть двумя язы-

ками. Это вызывает определенные сомнения. Оставим сейчас в стороне неродной, как правило, для переводчика язык оригинала. Но мыслимо ли владеть «в совершенстве» даже своим родным русским языком как переводящим? Знать его бесчисленные пласты и возможности, региональные и социальные варианты, функциональные стили, профессиональные подъязыки, архаичные и самые современные «модные» выражения – все это безграничное богатство? Едва ли. В дополнение к знанию языков приходится осознавать и неизбежную ограниченность этих знаний, чтобы представлять, к каким справочным и другим источникам целесообразно обратиться и с кем проконсультироваться. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что хорошему переводчику необходимо языковое чутье: эта трудноуловимая субстанция отвечает за адекватный выбор языковых средств – единственного материала, из которого строится переводной (как, впрочем, и оригинальный) текст. Будем надеяться, что переводоведение, когнитивная наука, психолингвистика, лингвокультурология и смежные дисциплины продолжают работу над уточнением критериев оценки переводческого профессионализма и качества перевода.

А. А. Г. Помимо технической и профессиональной составляющей (я имею в виду знание языков, знание разных регистров языка, развитие исследовательских навыков и т. д.), я думаю, существует также немаловажный момент – умение долго работать над одним и тем же текстом, способность пребывать одному целыми часами перед компьютером. Нужно иметь особый характер.

Т. К. Думается, что, помимо владения языком, культурными компетенциями, навыками коммуникации и следования принципам непрременной профессиональной ответственности, хороший переводчик должен оставаться самокритичным автором, подвергающим сомнению свой выбор, понимающим, что перевод хотя и не замещает оригинал всецело, все же делает это для тех, кто не знает язык в достаточной степени и не намерен знакомиться с оригиналом, а также что, цитируя Шлейермахера, «заставить автора говорить на языке перевода так, как будто он изначально писал на нем, – задача недостижимая и ничтожная (перевод наш. – Т. К.)» [Schleiermacher]. Мастерство переводчика также проявляется в его способности сохранить баланс между так называемой «доместикацией» текста, который он переводит, и «духом» текста, не вытравливая из него специфичное (всегда присутствующее), заменяя на универсальное, так как первое стирает национальные черты оригинала, обесцвечивая его, а второе ведет к возникновению перевода, который по меньшей мере звучит неестественно и натужно и нарушает нормы переводящего языка.

О. С. Переводная литература составляет важную и неотъемлемую часть каждой национальной литературы. В связи с этим возникает

следующий вопрос: нужны ли новые переводы классики, особенно если существующие переводы уже вошли в принимающую культуру?

Т. К. Единственный текст, эквивалентный оригиналу, – нечто недостижимое именно потому, что существуют или возможны/естественны разные переводы одного произведения. Выполнение новых переводов классики, несомненно, необходимо, так как реципиент не является статичным: меняются его представления о мире, о родном языке и языковая осведомленность, особенно если это касается языков международного общения, соприкосновение с которыми имеет большее количество пользователей. Необходимо также учитывать смену литературных вкусов и предпочтений: язык и стиль письма неизбежно меняются с течением времени, как эволюционирует и культурно и социально значимое – и то, что когда-то считалось каноническим переводом, может потерять актуальность для современных читателей. Новые переводы могут лучше передать сущность классических произведений, используя современные нормы и стандарты языка, облегчая чтение и понимание произведения для современного читателя, стремясь к такому языку, который был бы приемлем в данном контексте и сейчас звучал бы более уместно, при этом существенно не отходя от оригинала.

Так, например, роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» неоднократно переводился на английский язык. Первый полный перевод был выполнен Кларой Белл в 1886 г. с французского перевода (1879) княгини И. И. Паскевич. Перевод Белл высоко оценивался за точность и верность тексту Толстого, однако был выполнен не с языка оригинала и, по утверждению критиков, не обладал изяществом и «литературным чутьем» русского оригинала [Tolstoy, 2018].

В 1922 г. был опубликован новый перевод, выполненный Луизой и Эйлмером Мод [Tolstoy, 2010]; авторы были близкими друзьями Толстого и работали с ним над другими переводами его произведений. Их перевод был нацелен на передачу духа и философии романа, одобрен автором и характеризовался пристальным следованием букве толстовского текста. Перевод считается классическим, хотя одно из недавних его переизданий (Oxford World's Classics, 2010) содержит некоторые изменения – уход от англицизации имен персонажей и замену их на русские и включение в текст фрагментов на французском языке, которые ранее фигурировали в тексте перевода на английском.

В 1968 г. Энн Данниган выпустила получивший широкое признание перевод «Войны и мира», в котором стремилась найти баланс между точностью и удобочитаемостью [Tolstoy, 1968]. Перевод Данниган отличали плавность прозы и доступность, что сделало сложное повествование более понятным для современного читателя: он «верен тексту [оригинала] и не стесняется добросовестно передавать те детали, которые у непосвященных могут вызвать недоумение... Эта книга должна стать выбором широкого читателя» [Katz M.].

Переводы Мод и Данниган, по признанию критиков, лучше всего выдержали испытание временем и более строгой научной экспертизой.

В XXI в. классический текст снова привлек внимание переводчиков. Так, в 2005 г. увидел свет перевод Э. Бриггса, который предлагает новый взгляд на русский роман, передавая суть написанного Толстым и одновременно внося новые элементы в его интерпретацию [Tolstoy, 2005a]. Примечательной его особенностью является сознательное решение использовать современный разговорный стиль, в том числе элементы сленга. В отличие от предыдущих переводов, авторы которых стремились сохранить историческую точность и формальность, Бриггс решил использовать современный язык и идиоматические выражения, что создает впечатление непосредственности и доступности. В связи с этим, однако, перевод Бриггса неоднократно подвергался критике ввиду того, что отход от формального тона нарушает подлинность и историческую достоверность романа, а также потому, что переводчик ошибочно считал язык романа «легким для чтения», что привело к утрате намеренной синтаксической сложности, свойственной толстовскому тексту, в переводе, к избыточной «гладкости» повествования [см.: Thirlwell].

И наконец в 2007 г. вышел перевод романа, выполненный Ричардом Пивером и Ларисой Волохонской на американский английский [Tolstoy, 2005b]. Пивер и Волохонская известны своими переводами русской литературы, в том числе произведений Достоевского и Чехова. Их версия «Войны и мира» была нацелена на передачу энергии и эмоциональной глубины, сохранение «абсолютной верности языку Толстого» [Katz M.]. Она получила широкое признание одновременно за современный язык и тонкую передачу характеров героев.

Несмотря на более чем разнообразный выбор, предлагаемый читателю, у критиков нет единства мнения по поводу того, какой из имеющихся переводов монументального русского романа является лучшим из-за разницы требований, предъявляемых к переводу, – для части нарочитая архаизация и даже буквализм текста являются несомненным достоинством, позволяющим тексту на английском языке звучать почти так, как звучал Толстой, для других же неизбежной является адаптация текста в соответствии с требованиями современного языка с тем, чтобы сохранить привлекательность классического произведения для современного читателя и, возможно, расширить аудиторию.

А. А. Г. Говорят, каждое поколение должно читать «своих» классиков. Я частично согласен с этим. Это хорошо, когда каждые 30–40 лет появляются новые переводы уже известных и даже канонических текстов. Применительно к испаноязычному миру также надо учесть, что испанский является официальным языком 22 государств. Разнообразие испанского языка великолепное, есть национальные и региональные варианты, поэтому разные страны требуют разных переводов.

Переводы устаревают точно так же, как устаревают оригиналы. Не каждый же современный русский читатель может читать просто так произведения русских писателей XVIII в. Вопрос не только в языке, но и в реалиях. Поэтому хорошие издания произведений Пушкина или Толстого снабжены многими примечаниями. Или возьмем, например, нашего «Дон Кихота»: без постоянных примечаний и объяснений современный испаноязычный читатель его не понимает или понимает с трудом. То же самое справедливо и по отношению к переводам.

О. В. Классика тем и хороша, что не устаревают – то есть не устаревают идеи, смыслы, и их надо доносить до все новых и новых поколений. Язык же постепенно меняется, на него ложится патина времени и даже слой нафталина. Поэтому если какой-то автор или произведение нам дороги, переперевод возможен, а то и необходим. Это относится не только к переводам на другие языки. Шекспир, например, для нас близок и доступен, поскольку мы читаем его на современном русском языке. А британские и американские школьники мучаются или... читают современные переложения, то есть перевод с английского начала XVII в. на английский XX или даже XXI в.

К. X. Some Russian classics have certainly become part of the literature which an educated British person expects to read. I do not know of any *translation* which has ‘become part of the recipient culture.’ Constance Garnett was the first person to translate some major works of Tolstoy [Tolstoy, 2013], Dostoyevsky [Dostoyevsky], Goncharov [Goncharov], Gogol [Gogol], Turgenev [Turgenev] and especially Chekhov [Chekhov]. Her versions of these great writers were enormously important for the readers of her generation. But her translations, though still in print, have never been seen as ‘classics.’ How can they be? She has many competitors. Moreover, among knowledgeable critics there is considerable debate about her qualities as a translator: ‘She smooths out the prose too much’; ‘she is ingenious at solving syntactical problems’; ‘her language is old-fashioned but appropriate to the period when many of these Russian writers were themselves writing’. She was translating from the 1880s to the 1920s and her translations are still in print. So she is the nearest thing we have to a classic translator from Russian, but even so, most modern eager readers of Russian classics will have not heard her name. Other *English* translators of Tolstoy include Aylmer Maude [Tolstoy, 2010], Rosemary Edmonds [Tolstoy, 1982], Antony Briggs [Tolstoy, 2005], Rosamund Bartlett [Tolstoy, 2017], Kyril Zinovieff and Jenny Hughes [Tolstoy, 2014]. There are even more translations of Dostoyevsky than of Tolstoy. In any decent English bookshop, I can expect to find 3 or 4 different translations of, say, *Crime and Punishment* on the shelves, and many more which can be found by searching the internet.

(When thinking about translations, Russians should note that I have been commenting on *British* English translators. American English differs,

sometimes quite strikingly, from British English, especially in tone and in differences of meaning in vocabulary; British readers can find American translations quite disconcerting, and no doubt Americans feel the same about British translations.)

So the question is not quite relevant. There *are* new translations every twenty or thirty years. All translations are inadequate compromises (see answer to the first question) so translators who love the work and want a challenge will try to improve on what is available. Publishers of classic novels such as Penguin and Oxford World's Classics are also prepared to commission new translations for at least some money – though nobody makes a good living from translating classics. Publishers want something fresh, though not necessarily very 'contemporary-sounding', and they want to see how the new translator tackles the problem of turning distinctive, odd, satisfying Russian prose into distinctive, odd but satisfying English prose.

An interesting case is that of John Florio's translation of Michel de Montaigne's *Essays*. [Montaigne's *Essays*] The essays were written in the 1580s and translated by John Florio in 1603. Florio's translations were brilliant, idiosyncratic, but not always faithful to the original. However, they give a strong flavour of Renaissance styles and attitudes which are bound to be missing in later translations. So Florio's translation has become a 'classic', and is not 'obsolete'. But it is difficult to read, and sometimes the meaning is obscure for the modern reader. So I offer my students the chance to read either the Florio, or available nineteenth and twentieth translations.

О. С. Каждый, кто профессионально работает с переводами (переводит, редактирует, преподает, анализирует, даже критикует), отчетливо понимает, что перевод – это всегда компромисс. Как Вы полагаете, что лучше – пожертвовать чем-то при переводе или «запутать» читателя?

О. В. Каждый раз, в каждом конкретном случае приходится задавать себе этот вопрос снова и снова, взвешивать решения на аптекарских весах. Рецептов нет. Есть уважение к автору и читателям – из этого и надо исходить. Запутывать, конечно, не стоит, если автор на такой эффект не рассчитывал. Думаю, вопрос все же связан с синтаксисом, а не с детективным сюжетом произведения. Так вот: если тащить в русский все сложноподчиненные конструкции, естественные для английского языка, добром это не кончится. Русский все же стоит на сложном сочинении и бессоюзной связи. Надо распутывать синтаксис. Глядишь – и жертвовать ничем не придется.

А. А. Г. В каждом переводе есть, скажем так, своя «торговля»: что акцентировать, что опустить. Без этого никак. Иногда переводчик должен идти навстречу читателю, иногда наоборот – навстречу автору. Каждый текст требует своего. Мне кажется, что в последнее время переводчики более аккуратно следят за стилем оригинала и стараются как можно меньше его «одомашнивать».

K. X. The reader's response is crucial. So is the original work of the author. Consequently, there must always be a compromise which is compatible with the translator's sense of intellectual honour and love for both languages. I don't think you can say 'which is better' as if there is one alternative or the other. It's a complicated balancing act in which the translator's own voice will be heard.

The problem of literary translation is not of 'details' but of style – of what can be contained within the generous bounds of the target language. A good translator must be able to write English prose (in this case) which the English reader can delight in. If the translation suggests that the translator has a 'tin ear' in English, why should we think that he is a sensitive reader of Russian?

Therefore, the translator should be a native speaker of the target language. (Translations by Russians into English, however conscientious, are embarrassing. I have read many of them, but no ordinary reader would wish to do so.) However, the translator of literature must be well-acquainted with the formal and informal practices, the culture, the values of the country whose literature he is translating. He should have room to move within his adopted language. No doubt English translators are often not fully aware of all the implications of Russian culture. I am quite sure that many Russian translators have very inadequate and outdated understanding of English culture. For example, how many translators from English to Russian can recognize humour in the source language. They can maybe recognize 'jokes' or 'anekdoty' but I am thinking of the shades of humour in tone and style, the wit and irony of language.

For rendering humour we need outstanding translators. The writing of Mikhail Bulgakov poses many problems for the translator, including a witty and inventive language that can cope with constant changes from one genre to another, from drama to farce, from the fantastic to human tragedy. At least four translations of *The Master and Margarita* are currently available, of which one American and highly praised version has been found to be heavy and unreadable by keen students of mine. But they all love the translation of Michael Glenny [Bulgakov] because he writes inventive witty *English* that is so obviously delighting in Bulgakov's Russian. One very small example from the first paragraph of *The Master and Margarita*.

...Аккуратно выбритое лицо его украшали сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе – which Glenny translates as *his neatly shaven face was embellished by black horn-rimmed spectacles of preternatural dimensions* [Ibid., p. 58]. The prose is in the natural shape and rhythm of English, with the brilliant choice of 'preternatural' where other translators have used 'supernatural' or some flatter alternative. 'Preternatural' is accurate, it has the right associations, and it is much *funnier* than the alternatives. The reader does not know what he is going to meet in the next few pages, but he is already smiling appreciatively at the language.

We have good translations, sometimes excellent translations of Russian literature, although none of them is so perfect that we don't need new translations. But for me, Michael Glenny will always be the best translator

of Bulgakov, and I am ready to defend my choice by constant reference to the qualities of his *English*.

О. С. Попробую тоже ответить на этот вопрос – при переводе того или иного текста на него каждый раз приходится отвечать заново. Я согласна с Карен Хьюитт: мы должны ориентироваться на читателя, но читатели бывают разные. В истории перевода существовали проекты, когда переводы художественной литературы выполнялись с ориентацией на читателей-профессионалов в области гуманитарного знания (издательство «Academia», СССР, 1921–1937). Полагаю, что переводчик, понимая, для какой аудитории он работает, каждый раз корректирует стратегию своей работы. В нашей дискуссии об этом также говорила Е. Петрова.

Заключение модераторов

Представляется, что участники дискуссии затронули ряд существенных проблем современного перевода с разных точек зрения, что, без сомнения, создает объемную картину его существования. Очевидно, что бурное развитие технологий, культурная глобализация и другие приметы современного мира не могут не влиять на перевод во всех его ипостасях – появляются новые виды перевода, меняются требования к переводу как к процессу и результату, появляются новые переводы уже, казалось бы, хорошо знакомых читателям принимающей культуры книг, но его базовая сущность сохраняется, как сохраняется и даже возрастает ответственность переводчика.

Библиографические ссылки

Гофман Э. Т. А. Новеллы и повести / пер. с нем. под ред. А. В. Федорова. Л. : Гослитиздат, 1936. 798 с.

Калифорния Дж. Вечером во ржи: 60 лет спустя / пер. с англ. Е. Петровой. М. : Эксмо, 2012. 352 с.

Левый И. Искусство перевода / пер. с чешск. В. Россельса. М. : Прогресс, 1974. 384 с.

Милн А. А. Винни Пух и философия быденного языка / пер. с англ. Т. Михайловой и В. Руднева. М. : Рус. феноменол. о-во, 1994. 288 с.

Мольер Ж.-Б. Дон Жуан, или Каменный гость / пер. с фр. А. Федорова // Мольер Ж.-Б. Комедии. М. : Худож. лит., 1972. С. 177–228.

Мопассан Ги де. Новеллы / пер. с фр. А. Федорова, Н. Дарузес и др. М. : Правда, 1983. 560 с.

Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Хрестоматия по теории перевода. Самара : Самар. ун-т, 2005. С. 29–41.

Остин Дж. Гордость и предубеждение / пер. с англ. А. Грызуновой. М. : Эксмо, 2007. 210 с.

Перро Ш. Сказки Матушки гусыни / пер. с фр. А. Федорова, Л. Успенского, С. Боброва. Л. : Худож. лит., 1976. 465 с.

Рипли А. Скарлетт / пер. с англ. В. Шепилова. СПб. : Сев.-Зап. книж. изд-во, 1992. 640 с.

Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М. : Высш. шк., 1953. 336 с.

Федоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М. : Высш. шк., 1970. 194 с.

- Чернявская В. Е.* Текст в медиальном пространстве. М. : Ленанд, 2017. 232 с.
- Bulgakov M. A.* The Master and Margarita / transl. by M. Glenny. N. Y. : Harper & Row, 1976. 204 p.
- Chekhov A. P.* Ward No. 6 and Other Stories / transl. by C. Garnett. [S. l.] : Digireads.com Publ., 2017. 272 p.
- Dostoievskaja A. G.* Memorias. Madrid : Hermida Editores, 2023. 894 p.
- Dostoyevsky F. M.* Crime and Punishment / transl. by C. Garnett. [S. l.] : Digireads.com Publ., 2017. 428 p.
- Gogol N. V.* The Government Inspector and Other Works / transl. by C. Garnett. [S. l.] : Wordsworth Ed. : UK Ed., 2014. 594 p.
- Goncharov I. A.* A Common Story / transl. by C. Garnett. [S. l.] : Generic, 2018. 304 p.
- Hermans T.* Paradoxes and Aporias in Translation Studies // Translation Studies: Perspectives on an Emerging Discipline / ed. by A. Riccardi. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. P. 8–16.
- Katz J. J.* The Philosophy of Language. N. Y. : Harper & Row, 1966. 326 p.
- Katz M. R.* “War and Peace” in Our Time // New England Rev. 2008. Vol. 29, № 4. P. 185–195.
- Montaigne’s Essays : 3 vols. / transl. by J. Florio. L. : The Folio Society, 2006. Vol. 1. 356 p.
- Schleiermacher F.* Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens (1813) : [website]. URL: <https://sites.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf> (accessed: 15.09.2023).
- Thirlwell A.* A Masterpiece in Miniature // The Guardian : [website]. 2005. Oct. 8. URL: <https://www.theguardian.com/books/2005/oct/08/classics.leonikolaevichtolstoy> (accessed: 15.09.2023).
- Tolstoy L. N.* War and Peace / transl. by A. Dunnigan. [S. l.] : Signet Classics, 1968. 1456 p.
- Tolstoy L. N.* War and Peace / transl. by R. Edmonds. [S. l.] : Penguin Classics, 1982. 1492 p.
- Tolstoy L. N.* War and Peace / transl. by A. Briggs. [S. l.] : Penguin Classics, 2005a. 1440 p.
- Tolstoy L. N.* War and Peace / transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. 1st Ed. [S. l.] : Knopf, 2005b. 1296 p.
- Tolstoy L. N.* War and Peace / transl. by L. and A. Maude. [S. l.] : Oxford Univ. Press, 2010. 1440 p.
- Tolstoy L. N.* Anna Karenina / transl. by C. Garnett. [S. l.] : CreateSpace Independent Publ. Platform, 2013. 362 p.
- Tolstoy L. N.* Anna Karenina / transl. by K. Zinovieff, J. Hughes. [S. l.] : Alma Classics, 2014. 800 p.
- Tolstoy L. N.* Anna Karenina / transl. by R. Bartlett. [S. l.] : Oxford Univ. Press, 2017. 896 p.
- Tolstoy L. N.* War and Peace. A Historical Novel : 4 vols. / transl. by C. Bell. [S. l.] : Franklin Classics Trade Press, 2018. Vol. 1. 314 p.
- Trotsky L.* Literatura y revolución. Buenos Aires : Ed. RyR, 2015. 882 p.
- Turgenev I. S.* Fathers and Sons / transl. by C. Garnett. [S. l.] : Digireads.com Publ., 2017. 162 p.
- Vigotski L. S.* Pensamiento y habla. Buenos Aires : Ed. Colihue, 2007. 672 p.
- Vigotski L. S.* El significado histórico de la crisis de la psicología. Buenos Aires : Ed. IPS, 2022. 264 p.

References

- Bulgakov, M. A. (1976). *The Master and Margarita* / transl. by M. Glenny. N. Y., Harper & Row. 204 p.
- California, J. (2012). *Večerom vo lzhi: 60 let spustya* [60 Years Later: Coming Through the Rye] / transl. by E. Petrova. Moscow, Eksmo. 352 p.

- Chekhov, A. P. (2017). *Ward No. 6 and Other Stories* / transl. by C. Garnett. S. I., Digireads.com Publ. 272 p.
- Chernyavskaya, V. E. (2017). *Tekst v medial'nom prostranstve* [Text in Medial Space]. Moscow, Lenand. 232 p.
- Dostoiévskaia, A. G. (2023). *Memorias*. Madrid, Hermida Editores. 894 p.
- Dostoyevsky, F. M. (2017). *Crime and Punishment* / transl. by C. Garnett. S. I., Digireads.com Publ. 428 p.
- Fyodorov, A. V. (1953). *Vvedenie v teoriyu perevoda* [Introduction to the Theory of Translation]. Moscow, Vysshaya shkola. 336 p.
- Fyodorov, A. V. (1970). *Ocherki obshchei i sopostavitel'noi stilistiki* [Studies in General and Comparative Stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola. 194 p.
- Gogol, N. V. (2014). *The Government Inspector and Other Works* / transl. by C. Garnett. S. I., Wordsworth Ed., UK Ed. 594 p.
- Goncharov, I. A. (2018). *A Common Story* / transl. by C. Garnett. S. I., Generic. 304 p.
- Hermans, T. (2002). Paradoxes and Aporias in Translation Studies. In Riccardi, A. (Ed.). *Translation Studies: Perspectives on an Emerging Discipline*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 8–16.
- Hoffmann, E. T. A. (1936). *Novelly i povesti* [Novellas and Tales] / transl. ed. by A. V. Fyodorov. Leningrad, Goslitizdat. 798 p.
- Katz, J. J. (1966). *The Philosophy of Language*. N. Y., Harper & Row, 326 p.
- Katz, M. R. (2008). “War and Peace” in Our Time. In *New England Rev.* Vol. 29. No. 4, pp. 185–195.
- Levý, J. (1974). *Iskusstvo perevoda* [The Art of Translation] / transl. by V. Rossels. Moscow, Progress. 384 p.
- Maupassant, G. de. (1983). *Novelly* [Short Stories] / transl. by A. Fyodorov, N. Daruzes et al. Moscow, Pravda. 560 p.
- Milne, A. A. (1994). *Vinni Pukh i filosofiya obyden'nogo yazyka* [Winnie the Pooh and the Philosophy of Everyday Language] / transl. by T. Mikhailova and V. Rudnev. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. 288 p.
- Molière, J.-B. (1972). *Don Zhuan, ili kamennyi gost'* [Don Juan, or, The Stone Banquet] / transl. by A. Fyodorov. In Molière, J.-B. *Komedii*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 177–228.
- Montaigne's Essays. 3 Vols.* / transl. by J. Florio. (2006). L., The Folio Society. 356 p.
- Ortega y Gasset, J. (2005). *Nishcheta i blesk perevoda* [The Splendors and Miseries of Translation]. In *Khrestomatiya po teorii perevoda*. Samara, Samarskii universitet, pp. 29–41.
- Ostin, J. (2007). *Gordost' i predubezhdenie* [Pride and Prejudice] / transl. by A. Gryuzunova. Moscow, Eksmo. 210 p.
- Perrault, Ch. (1976). *Skazki Matushki gusyni* [Tales of Mother Goose] / transl. by A. Fyodorov, L. Uspensky, S. Bobrov. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 465 p.
- Ripley, A. (1992). *Skarlett* [Scarlett] / transl. by V. Shepilov. St Petersburg, Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. 640 p.
- Schleiermacher, F. (1813). *Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens (1813)* [website]. URL: <https://sites.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf> (accessed: 15.09.2023).
- Thirlwell, A. (2005). *A Masterpiece in Miniature*. In *The Guardian* [website]. Oct. 8. URL: <https://www.theguardian.com/books/2005/oct/08/classics.leonikolaevichtolstoy> (accessed: 15.09.2023).
- Tolstoy, L. N. (1968). *War and Peace* / transl. by A. Dunnigan. S. I., Signet Classics. 1456 p.
- Tolstoy, L. N. (1982). *War and Peace* / transl. by R. Edmonds. S. I., Penguin Classics. 1492 p.
- Tolstoy, L. N. (2005). *War and Peace* / transl. by A. Briggs. S. I., Penguin Classics. 1440 p.

Tolstoy, L. N. (2005). *War and Peace* / transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. 1st Ed. S. l., Knopf. 1296 p.

Tolstoy, L. N. (2010). *War and Peace* / transl. by L. and A. Maude. S. l., Oxford Univ. Press. 1440 p.

Tolstoy, L. N. (2013). *Anna Karenina* / transl. by C. Garnett. S. l., CreateSpace Independent Publ. Platform. 362 p.

Tolstoy, L. N. (2014). *Anna Karenina* / transl. by K. Zinovieff, J. Hughes. S. l., Alma Classics. 800 p.

Tolstoy, L. N. (2017). *Anna Karenina* / transl. by R. Bartlett. S. l., Oxford Univ. Press. 896 p.

Tolstoy, L. N. (2018). *War and Peace. A Historical Novel. 4 Vols.* / transl. by C. Bell. S. l., Franklin Classics Trade Press. Vol. 1. 314 p.

Trotsky, L. (2015). *Literatura y revolución*. Buenos Aires, Ed. Ry R. 882 p.

Turgenev, I. S. (2017). *Fathers and Sons* / transl. by C. Garnett. S. l., Digireads.com Publ. 162 p.

Vigotski, L. S. (2007). *Pensamiento y habla*. Buenos Aires, Ed. Colihue. 672 p.

Vigotski, L. S. (2022). *El significado histórico de la crisis de la psicología*. Buenos Aires, Ed. IPS. 264 p.

The paper was submitted on 20.09.2023